

Научная статья
УДК 94 (470/476.42) “1941/1944”
doi: 10.17223/15617793/481/20

Немецкая пропаганда на территории оккупированной Советской Белоруссии: реакция населения и политические настроения в историческом и национальном контексте

Елена Анатольевна Пушкаренко¹

¹ Российская таможенная академия, Люберцы, Россия, pushkarenko-elena@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема политических настроений и реакции населения на немецкую политику и пропаганду на оккупированной советской территории (на примере Генерального округа Беларусь). Исследуется вопрос в контексте исторического и национального факторов. Хронологические рамки исследования – 1941–1944 гг. Проблема рассматривается на документальной базе государственных архивов Беларуси, Польши и России. Автор выявляет исторические обстоятельства, обусловившие специфику менталитета белорусского населения и его политических настроений в условиях оккупации.

Ключевые слова: менталитет, политические настроения, немецкая пропаганда, Генеральный округ Беларусь, Великая Отечественная война

Для цитирования: Пушкаренко Е.А. Немецкая пропаганда на территории оккупированной Советской Белоруссии: реакция населения и политические настроения в историческом и национальном контексте // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 183–190. doi: 10.17223/15617793/481/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/20

German propaganda on the territory of the occupied Soviet Belarus: The reaction of the population and political sentiments in the historical and national context

Elena A. Pushkarenko¹

¹ Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russian Federation, pushkarenko-elena@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of political sentiments and the reaction of the population to German politics and propaganda in the occupied Soviet territory (using the example of the General District of Belarus). The author explores the issue in the context of historical and national factors. The chronological framework of the study is the period from 1941 to 1944. The problem is investigated on the basis of documents from the state archives of Belarus, Poland and Russia. The author reveals the historical circumstances that determined the specifics of the mentality of the Belarusian population and its political sentiments under occupation. The author believes that the reaction of the population to German politics and propaganda was due to a number of objective factors. These include the multi-ethnic and multi-confessional nature of the population, a long stay in neighbouring states and the absence of their own national statehood, as well as the peculiarities of the occupation policy in the district. As a result, prudence, caution, apolitical, indifferent attitude to the institution of politics and power became the characteristic features of the national character of Belarusians. During the Great Patriotic War, it was these features of the Belarusian mentality that manifested themselves. Hence the passive, indifferent attitude to the change of power. The people, as usual, waited, guided only by a simple desire to survive. The Second World War was perceived as an event that affected the interests of Germans and Russians, and Belarus again became only an arena for military operations. Even the attempts of the occupation authorities to play on Belarusian nationalism failed completely. The political ambitions of the collaborators were largely limited to the projects proposed to Cuba for the “revival of Belarus” and its subsequent entry into the “New Europe”, while the occupation authorities did not specify in what institutional forms this should happen. Another specific feature of Belarusian mentality, which was formed in previous historical periods, but was clearly manifested during the Great Patriotic War, was the differentiation of Eastern and Western Belarusians into Orthodox and Catholics, as well as identification with Russians or Poles. At the same time, the reaction of the population of the district to German propaganda was characterised by a high degree of distrust and scepticism, since the content of propaganda materials sharply contrasted with reality. The “scorched earth” policy, methods of fighting partisans, the genocide of the peoples of Belarus, the practice of forced recruitment of Ostarbeiters – all this together levelled the efforts of German propagandists.

Keywords: mentality, political sentiments, German propaganda, General District of Belarus, Great Patriotic War

For citation: Pushkarenko, E.A. (2022) German propaganda on the territory of the occupied Soviet Belarus: The reaction of the population and political sentiments in the historical and national context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 183–190. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/20

Судьба белорусского народа и белорусской государственности связана со многими историческими перипетиями. В течение длительного времени земля Беларуси выступала ареной для военных столкновений и культурно-цивилизационного противостояния Запада и Востока. Военная повседневность стала тем фактором, который предопределил формирование ряда отличительных черт менталитета белорусов и их политических настроений, реакции на происходящие политические события и процессы. Одной из характерных особенностей национального характера белорусов, обусловленных длительным периодом отсутствия собственной государственности и пребывания в составе сопредельных держав – Речи Посполитой и Российской империи, стали аполитичность и терпимость к власти как таковой. Знаменитая белорусская «памяркоўнасць», которую можно трактовать как расчётливость, терпимость, осторожность, проявилась с приходом частей вермахта в выжидательной позиции большинства местного населения. В массовом сознании прочно укоренился стереотип, что власть периодически меняется и не важно, кто ее представляет, главное, сохранить свою жизнь. Для основной массы населения, проживавшей в пределах Генерального округа Беларусь (а это были преимущественно районы Западной Беларуси), непродолжительный предыдущий этап советского правления был воспринят как очередной, на смену которому снова пришли немцы. Как следствие, люди заняли пассивную позицию, ожидая дальнейшего развития событий. «Несмотря на разные впечатления от советской действительности у белорусов и поляков, в первых донесениях айзгитгруппы “В” из районов Западной Беларуси отмечалось положительное отношение к приходу немецких войск со стороны обеих групп населения». Отношение населения к новой власти характеризовалось амплитудой от «довольно позитивной нейтральности» до «радости в связи с освобождением от советского ярма, которая проявилась в готовности белорусского и польского населения сотрудничать с нами в деле восстановления» [1. С. 51]. Российский исследователь В.Ю. Чехлов подчеркивает: «как советские, так и нацистские источники с редким единодушием свидетельствуют о первоначально спокойной, выжидательной и даже лояльной позиции значительной части жителей Белоруссии по отношению к оккупантам» [2. С. 23–24]. Причину этого явления мы обозначили выше, связав ее с длительным отсутствием у Беларуси государственности и ее особым геополитическим положением.

Другим немаловажным фактором в отношении людей к происходящим событиям – началу войны и приходу новых властей – стал достаточно низкий уровень национального самосознания этнических белорусов, многие из которых именовали себя «тутэйшыя», т.е. «местные». Население Беларуси исторически испыты-

вало воздействие двух сил – польской и российской, что значительно минимизировало как уровень национального самосознания, так и тенденции к национализму и сепаратизму. На это обратили внимание и представители германской администрации, указав, что пассивные по отношению к ним политические настроения обусловлены «низким национальным самосознанием» белорусов, а также «отсутствием национальной интеллигенции» [3. Л. 248, 250].

Важнейшим объективным фактором политических настроений и реакции на происходящие события стал полиэтнический и поликонфессиональный характер населения. Земля Беларуси стала исторической родиной для белорусов, поляков, украинцев, русских, татар, литовцев, латышей, евреев, цыган. В культурном пространстве Беларуси сочетались и взаимодействовали православие, католичество, греко-католичество, ислам, иудаизм. Очевидно, что каждый из вышеперечисленных народов характеризовался целым рядом специфических черт национального характера, которые проявились в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. более контрастно. Подчеркивая пестрый национальный состав округа, сотрудники министерства оккупированных восточных территорий нередко именовали Беларусь «национальным коктейлем» [1. С. 113]. По оценкам представителей немецкой администрации, в целом на территории Беларуси по состоянию на 1941 г. проживало около 10 600 тыс. человек. Из них – 7 880 тыс. (74,3%) белорусов, 935 тыс. (8,8%) евреев, 925 тыс. (8,7%) поляков, 590 тыс. (5,6%) русских, 162,5 тыс. (1,5%) украинцев, 90 тыс. (0,9%) литовцев, 6,5 тыс. (0,06%) немцев [4. Л. 45–46].

При этом «сложные реалии многонационального общества Беларуси германские оккупационные власти стремились обратить в свою пользу», – отмечает белорусский исследователь Д.А. Кривошей [5. С. 4]. Поэтому уже первые распоряжения немецких властей были направлены на выявление количественных и качественных характеристик местного населения. Например, габитскомиссар Минского округа в октябре 1941 г. отдает распоряжение бургомистрам о необходимости определения точного числа представителей различных национальностей, проживавших на подконтрольной им территории [6. Л. 127].

Все это делалось с целью установления черт национального характера, политических и национальных симпатий и антипатий, которые впоследствии можно было бы использовать в идейно-политическом воздействии на местное население. «В. Кубе изначально сделал ставку на пропаганду как средство реализации оккупационных экономических и политических задач» [7. С. 168], «с его подачи средства пропаганды активно эксплуатировали белорусскую национальную идею как наиболее козырную карту идеологического воздействия на местное население», – отмечалось ранее [8. С. 81]. Вызвать доверие населения и даже его

симпатии должна была широкая практика «белорусизации». Она предполагала открытие школ и вузов, активную культурно-образовательную деятельность, использование белорусского языка в повседневной жизни и официальном документообороте, а также провозглашение свободы вероисповедания.

Каждая из этнических групп, проживавших на территории округа, по-своему реагировала на «белорусизацию» и в целом оккупационную политику немецких властей. В данном исследовании проведен анализ политических настроений и реакций на оккупационную политику и пропаганду двух наиболее многочисленных этнорелигиозных групп округа – поляков и белорусов/католиков и православных. Округ охватывал в основном районы западной части БССР, с преобладающим белорусско-польским населением. Около 80% территорий, вошедших в состав Генерального округа Беларусь, в междувоенное двадцатилетие принадлежали Польше. В этот период белорусское население «*уходніх крэсаў*» (как именовали эту часть своей территории поляки) подвергалось целенаправленной политике полонизации, было существенно ограничено в своих правах. Особенности исторического развития белорусов и поляков, проживавших на этой территории, определили специфику политических настроений и ожиданий населения округа в период немецкой оккупации.

Первые впечатления и западных, и восточных белорусов в связи со вступлением войск вермахта отражены в отчетах айнзатцгруппы «В». В них указывается на выжидательную, пассивную позицию местного населения, переходящую порой в симпатии. Критика советской власти касалась, главным образом, экономической и социальной сфер [9. Р. 152, 184; 10. Р. 214]. Определенную активность проявляли поляки, стремившиеся реализовать свои национальные цели [1. С. 55]. Этот феномен объясним с учетом исторического контекста: белорусское население еще помнило о борьбе с так называемой нацдемовщиной – политических репрессиях, затронувших национально ориентированную белорусскую интеллигенцию и политический актив в 30-е гг. XX в. Поэтому оно совершенно безинициативно отнеслось к процессу организации местной администрации и занятию в ней каких-либо должностей. И в Западной, и в Восточной Беларуси, как говорилось в рапортах айнзатцгруппы «В» за август 1941 г., «народ не хочет занимать никаких должностей, опасаясь возвращения советской власти либо мести со стороны партизан» [11].

Польское население Западной Беларуси проявило себя иначе. В отчете одной из разведывательных польских групп осенью 1941 г. указывалось, что «польское население города [Бреста] приветствовало нападение немцев как избавление, как нечто, что освобождает их от еврейско-большевистского ярма. Момент нападения немцами был выбран очень удачно, так как за несколько дней до 22.06 большевики начали интенсивное выселение польского населения, вывозя его по железной дороге» [12. С. 333].

Польский исследователь Ю. Туронек подчеркивает, что события 1939–1941 гг. способствовали росту

антисоветских настроений среди польского населения Западной Беларуси. С началом немецкой оккупации западных регионов СССР польские политические силы постарались снова соединить Западную Беларусь и Польшу. «Имея перед собой подобные политические цели, польское население с симпатией встретило немецкие войска и приняло активное участие в создании новой администрации и полиции. Захват местной администрации польские деятели оценивали как исходный пункт восстановления своих экономических, культурных и политических позиций» [1. С. 52–53].

Белорусский историк Д.А. Кривошей также замечает: «В начале войны складывалась благоприятная для поляков ситуация. Они, как преследуемые коммунистами, занимали места в органах местной администрации. Например, в Гродно, Несвиже, Клецке и большинстве других городов Западной Беларуси они получили ведущие должности» [5. С. 76]. И это было отнюдь не случайно. Ведь земли Западной Беларуси для Польши имели статус «*уходніх крэсаў*», т.е. восточных окраин, и воспринимались как польская территория. С началом войны и смены власти польские политические силы попытались использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. В процесс полонизации активно включилось и католическое духовенство. «Польская [католическая] церковь смотрит на Беларусь как на колониальную область и разворачивает здесь совместно с польским повстанческим движением политическую деятельность», – говорилось в одном из отчетов немецкой администрации [13. Л. 33–34].

Очевидно, что попытки проведения полонизации через деятельность католической церкви и занятие этническими поляками должностей в местной администрации шли вразрез с заявленной политикой «белорусизации». Поэтому уже в конце 1941 г. В. Кубе обращается к рейхскомиссару Остланда с просьбой санкционировать запрет польского и русского языка на территории округа в официальном делопроизводстве и повседневном общении. «Если в западных областях Беларуси поляки стремились искоренить белорусов как нацию, то в восточных этого добивались большевики», – аргументировал свою позицию Кубе [14. Л. 9–10]. Как следствие, поляков стали выводить из состава местной администрации; претерпели гонения и представители католической церкви.

Заместитель гебитскомиссара Вилейской округи Хаазе на совещании в Генеральном комиссариате в Минске в апреле 1943 г. сообщал: «к началу 1942 г. все бывшие районные бургомистры польской национальности были уволены и заменены белорусами, перед которыми была поставлена первоочередная задача – очистить руководящий аппарат. И это было осуществлено. Поляки были также удалены с руководящих и командных должностей в промышленном производстве, там, где их можно было заменить белорусами» [15].

Более того, в мае 1942 г. на территории Генерального округа Беларусь оккупационные власти вместе с белорусской полицией начали антипольскую кампанию. Эта акция продолжалась до осени 1943 г. и была

направлена, главным образом, против польской интеллигенции, католического духовенства, работников местной администрации польского происхождения. Она охватила всю территорию Генерального округа Беларусь, а наиболее активно проводилась в городах Барановичи, Новогрудок и Слоним. Акция получила масштабную идеологическую поддержку в оккупационных изданиях. Ее началу послужила статья Вильгельма Кубе в «Minsker Zeitung» (№ 69), в которой поляки были причислены к давним врагам белорусского народа и названы «народом горделивых тунгусов». Непосредственная свидетельница тех событий Л. Якубовская вспоминала: «Надежды на перемены к лучшему в судьбе поляков прошли очень быстро. Стали заявлять о себе белорусские националисты. Вначале были устранены люди из городской власти. А затем и другие – те, которые их когда-нибудь обидели» [16. С. 226–227].

Активная антипольская пропаганда, санкционированная Кубе, стала составной частью его политики «белорусизации». Ее приоритетным направлением стало поощрение национализма и организация разного рода коллаборационистских объединений под флагом «возрождения Беларуси». Часть белорусской национально ориентированной интеллигенции с энтузиазмом восприняла политику Кубе, посчитав ее своего рода инструментом для реализации собственно «белорусской идеи». Ее политическое кредо уместно выразить цитатой из оккупационного пропагандистского издания. «Война ведется за перестройку Европы на новых экономических и политических началах. Какой бы не стала эта Европа в ближайшем будущем, нам, белорусам, не стоит жалеть о довоенной Европе. У нас ничего в ней не было и ничего мы в ней не могли... На своей земле, где мы никогда не имели возможностей для национального развития не только по форме, но и по содержанию, теперь мы эту возможность имеем». Автор статьи связывал свои политические ожидания с «Третьим рейхом» и подчеркивал, что «судьба белорусского дела зависит исключительно от антибольшевистского фронта» [17].

Генеральный комиссар Беларуси В. Кубе инициировал развернутую антипольскую пропагандистскую кампанию, оказывал содействие коллаборационистским националистическим организациям. Собственно говоря, он и стал инициатором их создания. В их числе следует назвать «Белорусскую народную самопомощь», «Белорусское научное общество», «Союз белорусской молодежи», «Всебелорусский женский комитет» и ряд других. Антипольская кампания вылилась не только в пропагандистские статьи в газетах и увольнение этнических поляков из местной администрации. По доносам расстреливали представителей польской интеллигенции и служителей римско-католической церкви. Наиболее показательным стал случай в городе Новогрудке, где 01.08.1943 г. по приказу немецких властей были убиты двенадцать монахинь.

Таким образом, первоначальные попытки польских политических сил, направленные на захват позиций в местной администрации и активизацию деятельности костела, были пресечены немецкой граж-

данской администрацией. Как следствие, политические ожидания этой части населения постепенно меняются. В отчете польских спецслужб за июль 1943 г. говорится: «С момента ухудшения наших отношений с Россией польский политический кредит у этого населения [округа Беларусь] снизился. Литовцы и белорусы склоняются одни на сторону немцев, другие – на сторону России. Они рассуждают так: немцы войну проиграют, но решающим фактором в восточной Европе не будет Польша. Поэтому для литовцев и белорусов открываются перспективы, и они неохотно говорят на политические темы с поляками, хотя до этого старались найти согласие» [18].

Изначально иными были политические настроения населения в восточных и центральных районах оккупированной БССР [19. С. 96]. В них в значительной степени проявилась просоветская позиция [20. Л. 9]. В июне 1942 г. ЦК КП (б) Белоруссии докладывал в ЦК ВКП (б), что «население Белоруссии все более озлобляется против немецких захватчиков», и антигерманские настроения «перерастают в народное движение» [21. Л. 119]. Причины этого легко объяснимы: с одной стороны, указанные районы БССР находились под советским правлением значительно дольше, их население испытало в значительно большей степени влияние советской идеологии, выросло целое поколение молодежи, воспитанной в советских школах. С другой стороны, росту партизанского движения способствовали сами действия оккупационных властей, применявших в борьбе с партизанами тактику «выжженной земли».

Давая оценку эффективности немецкого идеологического воздействия на население округа, Ю. Туренок подчеркивает, что «люди не особо интересовались политическими играми, так как, в первую очередь, им надо было перетерпеть, выжить». В полицейских донесениях конца 1941 г. немцы еще не отмечали всеобщей враждебности населения, однако отношение к оккупантам становилось все хуже и хуже. Особенно влияли на это грабежи и реквизиции, убийства военнопленных, евреев и советских деятелей, сохранение колхозов на востоке Беларуси и сложности с продовольствием в городах. При этом до спонтанных, самостоятельных выступлений против немцев еще не доходило. «Людей еще сдерживало понимание, что в первые месяцы войны не могут осуществиться коренные политические и экономические преобразования. Таким образом, симпатии населения могла завоевать любая заинтересованная сторона; тут все зависело только от желания и реальных возможностей властей» [1. С. 88].

Однако немецкие власти не смогли должным образом использовать ситуацию в свою пользу. Дело в том, что в системе управления округом существовало два центра силы – гражданская администрация во главе с В. Кубе и силы СС и полиции, которые ему не подчинялись. Два взаимоисключающих подхода, которые они практиковали, – силовой и идеологический – вступали в противоречие и в конечном итоге сводили все усилия пропаганды к нулю. Подтверждением тому служит один из рапортов оберштурм-

банфюрера СС Штрауха от 25.07.1943 г. Штраух докладывал руководству: «Отсутствие пропаганды сказало особенно разрушительно. Поскольку русские [местное население как таковое без учета национальной принадлежности] привыкли при большевистской системе к четко налаженной пропаганде, отсутствие немецкой пропаганды очень сильно сказало на авторитете власти. Этот пробел мог быть заполнен противником. Когда же, наконец, немцы начали принимать такие меры, как введение земельных хозяйств, распределение земель и т.д., было уже слишком поздно. Но даже в этом случае хорошо организованная пропаганда могла бы кое-что спасти... За эти выявленные недостатки гауляйтер Кубе, как глава администрации, должен быть оправдан. Его белорусская политика заслуживает одобрения» [22. С. 80–81].

Аргументируя свой особый политический курс в округе, В. Кубе в апреле 1943 г. на заседании генерального комиссариата заявил: «В действительности же этот народ [белорусский] за 25 лет с 1917 по 1941 год, совершил невероятный скачок вперед в своем развитии... И поэтому, если мы хотим в соответствии с задачами, поставленными перед нами фюрером, привести эту территорию и этот народ в Новую Европу, мы должны решительно покончить с прежним курсом [методы борьбы с партизанами, карательные экспедиции] нашей политики». Кубе указал также на необходимость расширения сетки коллаборационистских организаций, чтобы согласно принципу «разделяй и властвуй» их впоследствии можно было бы противопоставить друг другу. Он указал на ошибки в оккупационной политике, в частности в борьбе с партизанами и в работе вербовочных комиссий. Кубе отметил, что «здоровая крестьянская политика» – это основа всего. «Крестьяне находятся между двух огней. Когда крестьянин получает приказ принять вступивших в деревню партизан, он не может отказаться – иначе он будет расстрелян. Если затем туда приходим мы – снова следуют расстрелы. Крестьян-белорусов расстреливают в любом случае, и для них сложилась критическая ситуация... Предстоящим летом мы постараемся произвести на население положительное впечатление мероприятиями в трех областях. Сюда относятся... реприватизация крестьянской земли, работа с молодежью... работа в области культурной политики. В области образования, воспитания и культуры мы не можем отставать от большевиков», – резюмировал генеральный комиссар [23. С. 103–111].

Следует отметить, что В. Кубе неоднократно обращался к руководству по вопросу активизации в округе пропагандистской работы и изменению методов оккупационной политики. Например, в письме рейхсминистру оккупированных восточных областей А. Розенбергу указывалось, что рост партизанского движения и методы борьбы с «бандитизмом» взаимобусловлены. «Также оно [партизанское движение] свидетельствует о том, что проведение пропаганды после такого рода операций [карательных], которые заканчиваются массовым расстрелом всего населения, совершенно бессмысленно» [24. Л. 185].

Рейхскомиссар Остланда Г. Лозе на основании доносений В. Кубе также обратился к рейхсминистру оккупированных восточных территорий А. Розенбергу. В письме от 18.06.1943 г. указывалось «на нецелесообразность жестокого обращения с местным населением в ходе борьбы с партизанами». Лозе высказывал опасения относительно того, что подобные факты станут известны противнику и что в подобных обстоятельствах немецкая пропаганда абсолютно неэффективна. «Этот метод [карательные экспедиции в зонах действия партизан] недостойн германского дела и наносит большой ущерб нашему авторитету» [25. Л. 11].

Однако на практике ситуация не менялась: на территории оккупированной Советской Белоруссии происходил целенаправленный геноцид. Как известно, за годы войны погиб каждый третий житель республики. Поэтому рассуждения о «нецелесообразности» применения жестких карательных методов не изменяли ситуацию. Более того, местное белорусское население находилось в ситуации «между двух огней»: с одной стороны, ему грозила смертная казнь за помощь партизанам, а с другой – партизаны карали всех гражданских лиц, так или иначе сотрудничавших с немецкой администрацией. Среди них могли быть крестьяне, члены семей полицая, учителя, служители церкви и др. При этом, по данным в отчетах местной администрации, число жертв партизан среди гражданского населения достигало 70–80% от общего числа убитых [26, 27]. Однако эти цифры вызывают большие сомнения, ведь на партизан было весьма удобно списать жертв местных полицая и коллаборационистов. Зато в немецких источниках нередко указывалось на то, что партизаны вели себя в отношении местных жителей корректно и старались действовать методами убеждения [28].

Так или иначе, мотивами для вступления в партизанские отряды могли быть как идеологические, основанные на вере в советскую победу и возвращение советской власти, так и психологические, продиктованные страхом за свою жизнь. В зонах проведения карательных операций, когда деревни сжигались вместе со всем населением, людям не оставалось иной дороги. Они уходили в лес и вливались в партизанские отряды. Таким образом, преступный характер немецкой оккупационной политики стал объективным фактором роста партизанского движения, изменения политических настроений и ожиданий людей. Немецкая пропаганда по вопросу «белорусизации» звучала фальшиво и цинично на фоне зверств, чинимых СС и полицией. Когда в Минске и крупных городах округа проходили культурно-просветительские, образовательные, религиозные, спортивные и иные пропагандистские акции под лозунгами «возрождения Беларуси» в сочетании с национальной символикой и атрибутикой, складывалось впечатление о некоем «ренессансе» белорусской культуры и языка. А в это же время карательные отряды СС и полиции, борясь с «партизанской угрозой», применяли тактику «выжженной земли».

Следствием этого стала ситуация, при которой белорусы крайне неохотно участвовали в организации «нового порядка». «В отличие от Украины и Прибалтики тут было сложно создать полицейские батальо-

ны и действительно национальную администрацию – немцы охотней именовали ее “местная”, чем “белорусская”», – подчеркивает Ю. Туронок [1. С. 113].

Белорусские коллаборационисты с возмущением констатировали, что «между населением советской Беларуси и белорусской интеллигенцией, присланной из Польши, полностью отсутствует согласие. Прибывшая интеллигенция со своей немецко-белорусской пропагандой попадает в пустоту. В результате, они возмущаются по поводу отсутствия националистических настроений среди советских белорусов и отсутствия понимания того, чем на самом деле является Беларусь» [29]. Зерна национализма, которые так старательно пытались взрастить немецкие власти в сотрудничестве с белорусскими коллаборационистами, не принесли ожидаемых плодов. Со временем все больше возрастали ожидания и надежды людей на возвращение советской власти. Оккупационный проект «белорусизации» полностью дискредитировал себя на фоне фактического геноцида титульной нации.

Немецкие источники, характеризуя политические настроения в округе весной 1943 г., выделяли три группы населения в зависимости от степени их лояльности к немецким властям. Первая из них – решительные сторонники советской власти, которые активно сотрудничали с партизанами и ждали возвращения Красной Армии. К их числу в основном относились жители городов, входивших до 1939 г. в состав Советской Белоруссии. Вторую группу составляла небольшая часть белорусской интеллигенции и крестьянства, политические ожидания которых были связаны с победой нацистской Германии и «Новой Европой». И первая и вторая группы обладали в обществе небольшим удельным весом. Основная же масса населения Генерального округа Беларусь, которая, по мнению немецких аналитиков, изначально с симпатией встретила установление «нового порядка», со временем в нем разочаровалась. Ее политические настроения и ожидания балансировали между «политической антипатией, национализмом и просоветскими симпатиями». Наиболее важные проблемы, которые волновали эту часть общества, были связаны с практикуемыми немецкой властью методами борьбы с партизанами, проведением «земельной реформы» и обеспечением ежедневных жизненных потребностей [30].

Таким образом, изначальная дихотомия во взглядах и оценках новой власти у населения оккупированной Советской Белоруссии вскоре исчезла. Причина этого явления заключалась в том, что содержание пропаганды резко контрастировало с реалиями оккупационного режима. Разграбление и уничтожение национально-культурного фонда Беларуси, геноцид народов Беларуси, методы борьбы с партизанами, превратившиеся в охоту на мирное гражданское население, принудительный вывоз людей на работу в Германию – все это девальвировало демагогические лозунги Кубе о «возрождении Беларуси» и становилось тем фактором, который формировал новые политические настроения. Немецкая исследовательница Б. Квинкерт отмечает: «Несмотря на попытки склонить на свою сторону или, по крайней мере, прину-

дить советское население к поддержке оккупантов, усилия пропагандистов не увенчались успехом. Гражданские лица были не только свидетелями [немецких] преступлений, но и сами пострадали от немецкой оккупационной политики». Поэтому уже в первые месяцы войны действия немецких властей полностью уничтожили «всякую возможность завоевать сердца и умы белорусского населения с помощью позитивной пропаганды» [31. С. 157].

Объективная реальность очень скоро изменила представления простых граждан, оказавшихся в зоне оккупации, о «новом порядке» и перспективах обретения суверенитета в составе «Новой Европы». Как следствие, радикальные метаморфозы произошли в настроениях и ожиданиях людей. Российский историк Ф.Л. Сеницын, характеризуя политические настроения белорусского населения на завершающем этапе войны, подчеркивает, что «на основной территории Белоруссии... Красную Армию встречали с радостью» [32. С. 358]. А польский историк Ю. Туронок отмечает, что «под знаменитыми спокойствием и пассивностью» белорусского населения скрывалось «полное бессилие перед двумя великими армиями, которые в страшном противоборстве решали его судьбу» [1. С. 189].

В заключении подчеркнем, что период Великой Отечественной войны стал очередным этапом в длительной истории белорусского народа в условиях «военной повседневности». Война стала настолько привычным явлением, что в совокупности с отсутствием самостоятельной государственности значительно деформировала национальное самосознание белорусов, их восприятие себя как отдельного этноса. Само название «тутэйшыя» (местные) является лучшим тому подтверждением. Эти же объективные факторы обусловили и специфическое отношение белорусов к войне и власти как социальным институтам. В менталитете белорусов прочно укоренился стереотип, что многочисленные войны Западного мира с Россией, ареной которых становилась земля Беларуси, отнюдь не касаются белорусского народа. Поэтому вновь установившаяся власть воспринималась скорее индифферентно или настороженно, пока она не проявляла себя в конкретных действиях по отношению к местному населению. Вхождение в новое политическое и культурно-цивилизационное пространство в очередной раз означало, что «белорусская национальная идея» в виде суверенной государственности снова не будет реализована. Более того, это новое языковое и культурное влияние затормозит развитие этнического самосознания, стремление к обретению собственной государственности. В период Великой Отечественной войны проявились именно эти особенности белорусского менталитета. Отсюда и пассивное, индифферентное отношение к смене власти. Народ, как обычно, выжидал, руководствуясь только простым стремлением выжить. Вторая мировая война была воспринята как событие, которое затрагивает интересы немцев и русских, а Беларусь вновь стала лишь ареной для боевых действий. Даже попытки оккупационных властей сыграть на белорусском национа-

лизме полностью провалились. Политические амбиции коллаборационистов в большей степени ограничивались предлагаемыми Кубе проектами «возрождения Беларуси» и ее последующего вхождения в состав «Новой Европы», при этом оккупационные власти не конкретизировали, в каких институциональных формах это должно произойти.

Еще одной специфической чертой белорусской ментальности, которая сформировалась в предшествующие исторические периоды, но ярко проявилась в период Великой Отечественной войны, стала дифференциация восточных и западных белорусов на православных и католиков, а также отождествление себя с русскими или поляками. Очевидно, что длительное нахождение в составе Речи Посполитой и Российской империи, а впоследствии и в составе СССР, наложило отпечаток на духовную культуру народа, его самосознание, политические цели и настроения. Немаловажным фактором здесь выступала образовательная, религиозная и культурная политика этих держав по отношению к местному населению. В очередной раз белорусский народ испытал на себе воздействие политики колонизации, с одной стороны, и русификации – с другой. Неудивительно, что восточные белорусы зачастую именовали себя «рус-

скими», а западные – «поляками». Существенным фактором стала и советская политическая практика формирования «человека нового типа», а также атеистическая политика. В результате они послужили основанием для еще большего разделения на «усходнікаў» (восточников) и «заходнікаў» (западников).

В целом бесконечная череда войн, ареной которых становилась белорусская земля, превратилась в массовом сознании в некую обыденность, «военную повседневность». Эта специфическая повседневность объективно ограничивала возможности белорусского народа на национальное самовыражение, обретение суверенной государственности, развитие собственного языка и культуры, формирование страты национальной интеллигенции, которая сможет мобилизовать народ на реализацию «белорусской идеи». В то же время военная повседневность обусловила развитие и закрепление таких черт, как осторожность, пассивность, индифферентность, безразличие к власти и политике. Ситуация «между молотом и наковальней» только ослабляла национальные признаки, девальвировала в глазах народа какие-либо национально-государственные проекты и перспективы, потому что его единственным стремлением в условиях перманентной военной повседневности было желание выжить.

Список источников

1. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск : Беларусь, 1993. 236 с.
2. Чехлов В.Ю. Отношение населения к немецкому оккупационному режиму на территории СССР 1941–1944 гг. (на примере Белорусской ССР) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 32 с.
3. Российский государственный военный архив. Ф. 1370к. Оп. 1. Д. 56.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 510. Оп. 1. Д. 108.
5. Кривошей Д.А. Судьбы народов Беларуси под оккупацией (июнь 1941 – июль 1944 г.). М. : Фонд «Историческая память», 2017. 315 с.
6. Приказ гзбтискомиссара Минского округа // Государственный архив Минской области. Ф. 623. Оп. 1. Д. 1. Л. 127.
7. Пушкаренко Е.А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия в 1941–1944 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 167–174. doi: 10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174
8. Мамаева Т.П., Пушкаренко Е.А. Белорусская национальная идея как инструмент немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4 (50). С. 80–88. doi: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-80-88
9. Vakar N.P. Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1956. 297 p.
10. Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945. A Study of occupation policies. London : Macmillan and Company, 1957. 250 p.
11. Ereignismeldung UdSSR. № 43. 05.08.1941.
12. Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Генцер (рук. группы) [и др.]. Смоленск : Инбелкульт, 2016. 723 с.
13. НАРБ. Ф. 510. Оп. 1. Д. 13.
14. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 5.
15. Стэнаграма нарады вышэйшага кіраўніцтва Генеральнай акругі Беларусь (Мінск, 8–10 красавіка 1943 г.) // ARCHE. 2010. № 7–8. С. 271–454.
16. Lucja Jakubowska, z domu Januszkewiczówna. Moje związki z Nieświeżem (lata 1936–1945) // Nieświeżskie Wspomnienia. Warszawa : Łośgraf, 2001. 226 s.
17. Акінчыч Ф. Увагі на часе // Беларуская газета. 28.03–08.04.1943.
18. Представительство правительства Польши на оккупированных территориях. Департамент информации и прессы. Восточная секция. Отчет о ситуации на Восточных землях // Archiwum Akt Nowych (AAN). Sygn. 202/III. Teczka 193. K. 36–41.
19. Майнер С.М. Сталинская священная война: Религия, национализм и союзническая политика: 1941–1945. М. : РОССПЭН, 2010. 453 с.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 66.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104.
22. Aus den Akten des Gauleiters Kube // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1956. Jahrgang 4. Hefte 1. S. 80–81.
23. Стенограмма совещания высшего руководства Генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8–10 апреля 1943 года) / авт.-сост. С.В. Жумарь, С.Е. Новиков, Р.А. Черноглазова. Минск : МГЛУ, 2006. С. 103–111.
24. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1037.
25. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 171.
26. Письмо окружного комиссара г. Слонима в Генеральный комиссариат в Минске от 07.12.1942 // AAN. Мf. aleks. T-454. R. 30/644.
27. Отчет окружного комиссара г. Барановичи от 11.08.1944 // AAN. Мf. aleks. T-454. R. 102/110.
28. AAN. Мf. aleks. T-175. R. 235/2724566.
29. Представительство правительства Польши на оккупированных территориях. Департамент информации и прессы. Восточная секция. Отчет о ситуации на Восточных землях // AAN. Sygn. 202/III. Teczka 201. K. 11–25.
30. AAN. Мf. aleks. T-175. R. 236/2725815.
31. Quinkert B. Propaganda and Terror in Weißrußland 1941–1944: Die deutsche «geistige» Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen. Paderborn : F. Schöningh, 2009. 419 s.
32. Синицын Ф.Л. Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР. Национальный и религиозный аспекты : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2018. 555 с.

References

1. Turonak, Yu. (1993) *Belarus' pad nyametskay akupatsyyay* [Belarus occupied by Germany]. Minsk: Belarus.
2. Chekhlov, V.Yu. (2004) *Otnoshenie naseleniya k nemetskomu okkupatsionnomu rezhimu na territorii SSSR 1941–1944 gg. (na primere Belorusskoy SSR)* [Attitude of the population towards the German occupation regime on the territory of the USSR 1941–1944. (on the example of the Byelorussian SSR)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
3. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 1370k. List 1. File 56. (In Russian).
4. National Archives of Belarus (NARB). Fund 510. List 1. File 108. (In Russian).
5. Krivoshey, D.A. (2017) *Sud'by narodov Belarusi pod okkupatsiey (iyun' 1941 – iyul' 1944 g.)* [The fate of the peoples of Belarus under occupation (June 1941 – July 1944)]. Moscow: Fond "Istoricheskaya pamyat".
6. *State Archives of Minsk Oblast*. Fund 623. List 1. File 1. Page 127. Prikaz gebitskomissara Minskogo okruga [Order of the Gebitskomissar of the Minsk District].
7. Pushkarenko, E.A. (2021) Nemetskaya politika i propaganda v oblasti kul'tury na territorii General'nogo okruga Belorussiya v 1941–1944 godakh [German policy and propaganda in the field of culture on the territory of the General District of Belarus in 1941–1944]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2 (21). pp. 167–174. DOI: 10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174
8. Mamaeva, T.P. & Pushkarenko, E.A. (2021) Belorusskaya natsional'naya ideya kak instrument nemetskoj propagandy na territorii General'nogo okruga Belarus' [Belarusian national idea as a tool of German propaganda on the territory of the General District of Belarus]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (50). pp. 80–88. DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-80-88
9. Vakar, N.P. (1956) *Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
10. Dallin, A. (1957) *German Rule in Russia 1941–1945. A Study of occupation policies*. London: Macmillan and Company.
11. *Ereignismeldung UdSSR*. (1941) 43. 05 August.
12. Gentser, K. et al. (eds) (2016) *Brest. Leto 1941 g. Dokumenty. Materialy. Fotografii* [Brest. Summer 1941 Documents. Materials. Photos]. Smolensk: Inbelkul't.
13. National Archives of Belarus (NARB). Fund 510. List 1. File 13. (In Russian).
14. National Archives of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 5. (In Russian).
15. ARCHE. (2010) Stenagrama narady vysheyshaga kiražnitsva General'nay akruži Belarus' (Minsk, 8–10 krasavika 1943 g.) [Transcript of the meeting of the high management of the General District of Belarus (Minsk, April 8–10, 1943)]. *ARCHE*. 7–8. pp. 271–454.
16. Jakubowska, L. et al. (eds) (2001) *Nieświeskie Wspomnienia*. Warszawa: Łośgraf.
17. Akinchyts, F. (1943) Uvagi na chase [Timely attention]. *Belaruskaya gazeta*. 28 March – 8 April.
18. Archiwum Akt Nowych (AAN). Sygn. 202/III. Teczka 193. K. 36–41. Republic of Poland. (n.d.) *Predstawiciel'stvo pravitel'stva Pol'shi na okkupirovannykh territoriakh. Departament informatsii i pressy. Vostochnaya sektiya. Otchet o situatsii na Vostochnykh zemlyakh* [Representation of the Government of Poland in the occupied territories. Department of Information and Press. Eastern section. Report on the situation in the Eastern lands].
19. Mayner, S.M. (2010) *Stalinskaya svyashchennaya vojna: Religiya, natsionalizm i soyuznicheskaya politika: 1941–1945* [Stalin's Holy War: Religion, Nationalism, and Allied Politics: 1941–1945]. Moscow: ROSSPEN.
20. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 122. File 66. (In Russian).
21. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 125. File 104. (In Russian).
22. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. (1956) Aus den Akten des Gauleiters Kube. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 4 (1). pp. 80–81.
23. Zhumar', S.V., Novikov, S.E. & Chernoglazova, R.A. (eds) (2006) *Stenogramma soveshchaniya vysshego rukovodstva General'nogo okruga "Belorussiya" (Minsk, 8–10 aprelya 1943 goda)* [Transcript of the meeting of the top leadership of the General District "Belarus" (Minsk, April 8–10, 1943)]. Minsk: Minsk State Linguistic University. pp. 103–111.
24. National Archives of Belarus (NARB). Fund 1440. List 3. File 1037.
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7445. List 2. File 171. (In Russian).
26. Archiwum Akt Nowych (AAN). Mf. Aleks. T-454. R. 30/644. *Pis'mo okruzhnogo komissara g. Slonima v General'nyy komissariat v Minske ot 07.12.1942* [Letter from the district commissioner of the city of Slonim to the General Commissariat in Minsk of 07.12.1942].
27. Archiwum Akt Nowych (AAN). Mf. Aleks. T-454. R. 102/110. *Otchet okruzhnogo komissara g. Baranovichy ot 11.08.1944* [Report of the district commissioner of the city of Baranovichy of 11.08.1944].
28. Archiwum Akt Nowych (AAN). Mf. Aleks. T-175. R. 235/2724566.
29. Archiwum Akt Nowych (AAN). Sygn. 202/III. Teczka 201. K. 11–25. Republic of Poland. (n.d.) *Predstawiciel'stvo pravitel'stva Pol'shi na okkupirovannykh territoriakh. Departament informatsii i pressy. Vostochnaya sektiya. Otchet o situatsii na Vostochnykh zemlyakh* [Representation of the Government of Poland in the occupied territories. Department of Information and Press. Eastern section. Report on the situation in the Eastern lands].
30. Archiwum Akt Nowych (AAN). Mf. Aleks. T-175. R. 236/2725815.
31. Quinkert, B. (2009) *Propaganda und Terror in Weißrußland 1941–1944: Die deutsche "geistige" Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen*. Paderborn: F. Schöningh.
32. Sinitsyn, F.L. (2018) *Sovetsko-germanskoe ideologicheskoe protivoborstvo na okkupirovannoy territorii SSSR. Natsional'nyy i religioznyy aspekty* [Soviet-German ideological confrontation in the occupied territory of the USSR. National and religious aspects]. History Dr. Diss. Moscow.

Информация об авторе:

Пушкаренко Е.А. — канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии (Люберцы, Россия). E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Pushkarenko, Cand. Sci. (History), associate professor, Russian Customs Academy (Lyubertsy, Russian Federation). E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 19.01.2022;
одобрена после рецензирования 11.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 19.01.2022;
approved after reviewing 11.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.